

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Международный «круглый стол» «Проблемы археологии Подонья в скифскую эпоху»

© 2003 г.

А. С. Скрипкин

К КРИТИКЕ ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ РЕКОНСТРУКЦИИ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

Одно из обязательных условий практически любого исследования по истории – не только определение круга источников, но и выявление их информативных возможностей. В первую очередь исследователь должен убедиться в их объективности, а также определить, содержат ли привлекаемые им источники непосредственно ту информацию, на которую он рассчитывает для решения поставленных задач. Сказанное относится к той отрасли исторического источниковедения, которое именуется критикой источников.

В данном случае речь пойдет об использовании археологических источников в выявлении торговых связей в эпоху раннего железного века в восточноевропейских степях, занятых кочевниками. Часто в литературе, посвященной этой теме, можно встретить суждения о том, что находки отдельных импортных вещей маркируют торговые пути или свидетельствуют о торговых связях между районами, где эти вещи найдены, и теми местами, где они были изготовлены. Такая интерпретация находок возможна, но она бывает не единственной. Исследователь должен просчитать и другие возможные варианты попадания вещей неместного производства в кочевнические погребальные комплексы.

Знакомство с рядом публикаций, посвященных различного рода импортам из кочевнических памятников Восточной Европы, показывает, что часто интерпретация одного и того же материала зависит от темы исследования. Если ставится задача реконструировать политические отношения, то ряд категорий импортных вещей, особенно престижных, интерпретируется как дипломатические дары или дань, или военные трофеи, или подношения при заключении междинастийных браков и пр. Если же в исследовании ставится цель проследить переселение какого-либо народа, зачастую те же вещи используются для обоснования миграционных процессов. А когда речь заходит о торговле, то многие из этих вещей неместного происхождения считаются попавшими в места находок в результате торговых связей.

Вообще отдельно взятые вещи неместного происхождения в кочевнических погребениях интерпретировать на предмет способа их попадания туда довольно сложно. Варианты могут быть самые разнообразные, к тому же, как правило, неизвестно, где та или иная вещь была приобретена кочевником, прежде чем вместе с ним попасть в погребение.

Так, например, находка в сарматском погребении у с. Иштуганово в Башкортостане двух монет времени Митридата VI Евпатора и Фарнака вместе с кувшином,

аналогии которому достаточно хорошо известны на Кубани и Нижнем Дону, обычно трактуется как свидетельство о торговых связях сарматов Южного Приуралья с Причерноморьем и Северным Кавказом на рубеже эр¹ или даже на основании этой одной находки делается вывод о существовании в I в. до н.э. транзитного северного пути, который проходил на Северный Кавказ².

В вышеприведенной интерпретации немаловажная роль отводится кувшину из иштугановского погребения. В сарматских погребальных комплексах рубежа и первых веков нашей эры очень часто встречается серо- и чернолощенная керамика донского и северокавказского происхождения. Если нанести на карту места ее находок, то полученная картина будет свидетельствовать о достаточно большом ее разбросе на огромной территории, включая Нижний и Средний Дон, Поволжье, Западный Казахстан и Южное Приуралье. Наметить какие-либо торговые пути по этой категории находок невозможно. Данная ситуация скорее всего свидетельствует о том, что керамика указанного типа приобреталась сарматами на Нижнем Дону и на Кубани, в некоторых других северокавказских производственных центрах, видимо, в большинстве своем в зимний период, когда кочевники сосредотачивались в основном в южных районах, ближе к местам, богатым кормовыми запасами. Страбон относительно роксоланов писал по этому поводу: «Они следуют за пастбищами, всегда по очереди выбирая богатые травой места, зимой на болотах около Меотиды, а летом на равнинах» (VII. 2. 17). Тот же Страбон характеризовал город Танаис, располагавшийся непосредственно у берега Меотийского озера, как важнейший торговый центр для азиатских и европейских кочевников (XI. 2. 3). Таким образом, различные вещи, в том числе и кружалная керамика, могли приобретаться кочевниками в местах их непосредственного производства, а не доставляться, например, в Южное Приуралье купцами. Большим спросом пользовалась у кочевников качественная глиняная посуда из ремесленных центров оседлого населения. В период сезонных перекочевок такая посуда попадала в различные, зачастую довольно отдаленные, места. Нахождение двух монет в иштугановском погребении также не может свидетельствовать о непременно торговых связях сарматов Приуралья с Северным Причерноморьем. Находки монет в сарматских погребениях крайне редки, вместе с иштугановским их известно всего три³. С.И. Безуглов, проанализировавший ситуацию с находками монет в кочевнических погребениях на Нижнем Дону, в зоне наиболее активного контакта кочевников с античной цивилизацией, пришел к убедительному заключению, что «идея денежного обращения на основе металлической монеты осталась чуждой миру кочевых сарматов на всем протяжении его существования»⁴.

Об отсутствии устойчивых торговых путей, шедших из Северного Причерноморья в рассматриваемое время в район Южного Урала, косвенно свидетельствует абсолютная неосведомленность античных географов о территориях, расположенных северней и восточней нижнего течения Дона. Страбон, рассуждавший по поводу отсутствия у греческих авторов реальных представлений об истоках реки Танаис, отмечал, что причиной тому являлись кочевники, «не вступающие в общение с другими народностями и более многочисленные и могущественные», которые «преградили доступ во все удобные места страны и в судоходные части реки» (XI. 2. 2).

Другой пример. Существует мнение, что находки в Южном Приуралье в савромато-сарматское время предметов ахеменидского и среднеазиатского производства свидетельствует о наличии караванного пути, по которому осуществлялись торго-

¹ Кропоткин В.В., Обиденнов М.Ф. Находки античных монет в погребении кочевника на Южном Урале // СА. 1985. № 2. С. 242–245; Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала. Уфа, 1999. С. 72–73.

² Проккопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. Ставрополь, 1999. С. 68.

³ Безуглов С.И. Находки античных монет в погребениях кочевников на Нижнем Дону // Донская археология. № 1–2. Ростов-на-Дону, 2001. С. 57–61.

⁴ Там же. С. 60.

вые связи южноуральских кочевников с Персидской державой, а после ее падения – со Средней Азией⁵.

Отмеченной выше археологической ситуации в Южном Приуралье может быть и другое объяснение. Кочевнические памятники Южного Приуралья и Приаралья могли принадлежать одним и тем же или весьма близким популяциям номадов. Л.Т. Яблонский, исследовавший антропологический материал второй половины I тыс. до н.э., принадлежащий скотоводческому населению Южного Приаралья, отмечал: «Данные краниологии со всей определенностью свидетельствуют об общем (на высоком таксономическом уровне) происхождении сарматских и присаркамышских популяций кангуйской эпохи. При этом географическая прародина общего краниологического комплекса лежит за пределами Южного Приаралья и располагается, вероятно, в степях Приуралья и Зауралья савроматского времени»⁶. В.Н. Ягодин с соавторами достаточно определенно высказались, что «обнаруженные кочевнические памятники IV–II вв. до н.э. на Устюрте и локализация их меридиональной цепочкой, протянувшейся через плато к центрам древнехорезмийской оседлоземледельческой цивилизации, позволяет поставить вопрос о существовании кочевого цикла Южное Приуралье – юго-западное Приаралье»⁷. Таким образом, вещи ахеменидского и среднеазиатского происхождения могли и не завозиться купцами в Южное Приуралье, а приобретались кочевниками во время перекочевок в приграничных районах Хорезма. О том, что сезонные перекочевки кочевников могли осуществляться на большие расстояния, имеется достаточно много сведений. Так, например, по архивным данным калмыки во время кочевания за сезон в XVII в. проходили до 1000–1500 км⁸.

При реконструкции торговых связей надо учитывать и еще один фактор – вероятность изготовления вещей на месте по привозным моделям, что создает обманчивый эффект интенсивного поступления их из других районов. Так, Ю.А. Прокопенко, обосновывая наличие торговых связей между районами Северного Кавказа и Северным Причерноморьем, наряду с другими категориями материала использует для доказательства фибулы, среди которых большую часть составляют лучковые конструкции. Изготовление таких фибул первоначально действительно осуществлялось в городах Северного Причерноморья, скорее всего в Крыму, но, как показали исследования металла фибул из северокавказских находок, рецептура его местная. Это свидетельствует о том, что по крайней мере какая-то часть фибул изготовлялась на Северном Кавказе по северопричерноморским образцам, а не была завезена сюда⁹.

Даже при интерпретации массовых находок монет, которые, казалось бы, бесспорно свидетельствуют о торговых связях, надо быть осторожным в далеко идущих выводах. При реконструкции торговых путей через Сарматию обычно ссылаются на частые находки античных монет в Нижнем Поволжье. Кроме того, упоминаются еще две греческие свинцовые пломбы якобы V в. до н.э., найденные на Водянском городище в Волгоградской области. Первым сводку этих находок дал член Саратовской ученой архивной комиссии Б.В. Зайковский¹⁰. Более десяти лет тому назад са-

⁵ Акбулатов. Ук. соч. С. 67.

⁶ Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма. Археология и антропология могильников. М., 1999. С. 102.

⁷ Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта (Заключение – В.Н. Ягодин, Е. Бажанов, Ю.П. Манылов). Ташкент, 1978. С. 290.

⁸ Железчиков Б.Ф., Сергацков И.В., Скрипкин А.С. Древняя история Нижнего Поволжья по письменным и археологическим источникам. Волгоград, 1995. С. 10.

⁹ Барцева Т.Б. Цветные сплавы на Северном Кавказе в раннем железном веке // СА. 1974. № 1. С. 39; она же. Итоги изучения цветного металла Чегемского кургана // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. С. 266.

¹⁰ Зайковский Б. Из монетной летописи Нижне-Волжской области. Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных монетных находок древнего времени до XIII в. включительно // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 35. Ч. I. Саратов, 1926. С. 41–49.

ратовский археолог В.Г. Миронов, занимавшийся составлением археологических карт различных районов Нижнего Поволжья по сообщениям членов СУАК, высказывал сомнения в отношении времени попадания античных монет в Поволжье, поскольку их находки, по его данным, тяготеют в основном к поселениям или городам Золотой Орды¹¹.

Обратимся к первоисточникам информации о находках этих монет и plomb. В статье Б.В. Зайковского отмечено 52 пункта в Нижнем Поволжье, где было найдено 144 монеты дозолотоордынского времени. Самое большое их число (47 экз.), по его данным, происходит из Водянского городища, где в 1913 г. были якобы найдены и упоминавшиеся уже свинцовые пломбы. Это городище располагается рядом с районным центром Дубовкой Волгоградской области и условно отождествляется с золотоордынским городом Бельджаменом. Близкая информация о находках на Водянском городище содержится и в публикации Сталинградского общества краеведения, причем перечень монет дан со ссылкой на Б.В. Зайковского¹². Существенная разница заключается, пожалуй, лишь в том, что свинцовые греческие торговые пломбы Б.В. Зайковский со слов «одного профессора из Киева» датирует IV–VI вв. н.э., а в публикации сталинградских краеведов они уже датируются V веком до н.э.

По данным Б.В. Зайковского, на городище были найдены монеты Александра Великого, городов Тир (в Финикии), Ольвия III–II вв. до н.э., Херсонес, Боспорского царства, римских и византийских императоров и даже серебряная монета царицы Тамары. Первое возможное объяснение такой ситуации – все эти монеты, как и пломбы, вторичного использования и попали на территорию городища во время его функционирования не ранее XIII в. Территория Золотой Орды, как известно, включала Северное Причерноморье, где в свое время находились античные города. Возможно, что у жителей золотоордынских городов практиковалось коллекционирование монет.

Однако такое решение проблемы навряд ли можно считать полностью удовлетворительным, и вот почему. Находки нескольких десятков античных монет, якобы происходящих с Водянского городища, сделаны в очень короткий срок, с 1905 по 1913 год, судя по приведенным Б.В. Зайковским датам, что вообще должно быть феноменальным явлением для средневекового памятника. Однако эта информация никак не вписывается в контекст последующих археологических исследований городища. С начала стационарных его раскопок и до последнего времени экспедициями, руководимыми Г.А. Федоровым-Давыдовым, В.Л. Егоровым, А.Г. Мухамадиевым и Е.П. Мыськовым, за сорок лет не найдено ни одной античной монеты, хотя были вскрыты довольно большие площади городища, несравнимые с кладоискательскими шурфами местных жителей Дубовки.

Напрашивается вывод: истинность сообщений о частых находках античных монет в прошлом на Водянском городище сомнительна. Использовать эти сведения в качестве исторических источников, подтверждающих наличие торговых связей, проходивших через Нижнее Поволжье в античное время, нельзя, поскольку они не соответствуют требованиям, предъявляемым к источникам на уровне их внешней критики. То же самое касается и свинцовых plomb, поскольку ссылка Б.В. Зайковского на анонимного «профессора из Киева» не позволяет точно документировать условия этой находки.

Однако на сомнительность этих находок, как правило, не обращается внимание даже достаточно опытными исследователями. Так, Д.Б. Шелов, отметив разномастный состав монетных находок античного времени в Нижнем Поволжье, который, по его мнению, «свидетельствует о случайности завоза» их сюда, тем не менее делает вывод, что «эти находки, безусловно, являются отражением связей Нижнего Повол-

¹¹ Устное сообщение.

¹² *Ильина А., Шишкин П.* Материалы к археологической карте Сталинградского, Хоперского и некоторой части Астраханского и Камышинского округов Нижне-Волжского края. Сталинградское окружное общество краеведения. Сталинград, 1929. С. 7, 8.

жья с античными центрами», в частности с Ольвией, поскольку, по данным Б.В. Зайковского, на Водянском городище было обнаружено четыре монеты этого города¹³. Д.Б. Шелов не обратил внимание и на то, что эти монеты являются фактически разменной полисной медью, что навряд ли может свидетельствовать о существенных экономических связях Ольвии с сарматами Поволжья. Они обращались преимущественно там, где и производились. Ссылки на находки античных монет на территории золотоордынских городов и свинцовых пломб на Водянском городище, как подтверждение наличия торговых связей с Нижним Поволжьем или прохождения здесь транзитных торговых путей без должной критики кочуют из работы в работу. Иногда на этих сомнительных находках делаются весьма ответственные выводы. Ю.А. Прокопенко, например, утверждает, что торговый «путь в Среднюю Азию существовал еще со времени Геродота, о чем свидетельствуют находки в Поволжье греческих торговых свинцовых пломб V в. до н.э.»¹⁴.

И все же, откуда появились сведения об античных монетах, например, с Водянского городища? Кое-какие данные на этот счет можно найти в трудах СУАК. Так, из одной публикации того же Б.В. Зайковского следует, что собирание им находок с Водянского городища было поручено «посадскому пастуху Ермолаю Парфеновичу Колбашкину»¹⁵. Поскольку за эти находки предполагалась какая-то оплата, то, видимо, этот пастух собирал не только то, что находилось на территории городища, но и то, что имелося на руках у жителей Дубовки. Античные монеты могли попасть на берега Волги и иным путем. Торговля монетами на юге России имела давние традиции. Можно вспомнить об известном промысле жителей с. Парутино, собиравших на Ольвийском городище монеты и продававших их в качестве сувениров. О распространении коллекционирования монет в Поволжье в начале XX в. говорит и сам Б.В. Зайковский, который покупал их у частных лиц. Он же упоминает и некоего Тулупова, жившего в конце XIX – начале XX в. в Камышине и занимавшегося перепродажей греческих и римских монет. Б.В. Зайковский приводит и еще одно очень важное для нас сообщение о том, что после событий 1905 и 1917 гг. «масса нумизматического материала поступила в обращение из разгромленных барских усадеб». Интересно, что основная масса находок античных монет с Водянского городища приходится примерно на это время¹⁶. Сам Б.В. Зайковский, если имелась какая-либо информация о месте находок монет, верил, что они попали в Нижневолжский край во время, близкое их чеканке. Он считал, что, по крайней мере с первых веков нашей эры, район Царицынского и Камышинского уездов «был не только заселен, но даже имел сношения с древним культурным миром» и что будущие строго научные исследования Водянского городища, возможно, дадут более убедительные доказательства этому¹⁷. Однако, как показали археологические исследования этого городища, версия Б.В. Зайковского не нашла подтверждения, слоев ранее золотоордынского времени на нем не обнаружено, более того, подвергается серьезному сомнению его информация о находках античных монет не только на этом памятнике, но и в других местах Поволжья.

Достаточно много «легенд» накопилось в нашей археологической литературе о Великом шелковом пути, в данном случае о его северном ответвлении. Все, что найдено в сарматских курганах и имеет восточное происхождение, а тем паче если отдельные находки связаны с Китаем (например, ханьские зеркала или шелк), то это воспринимается как непреременный результат торговли по Великому шелковому пути. Хотя к западному импорту в сарматских комплексах исследователи подходят бо-

¹³ Шелов Д.Б. Ольвийские монеты в Поволжье // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 296.

¹⁴ Прокопенко. Ук. соч. С. 75.

¹⁵ Зайковский Б. Городище Бэльджамень // Труды СУАК. Вып. XXIV. Саратов, 1908. С. 33–44.

¹⁶ Он же. Из монетной летописи ... С. 41, 48, 49.

¹⁷ Он же. Городище Бэльджамень ... С. 40.

лее дифференцированно, считая, что это могла быть и военная добыча, и плата за службу, и дипломатические дары, и, наконец, объекты торговли. Я полагаю, что эти варианты приемлемы и для поступления в степи Восточной Европы вещей с востока, в том числе и китайских.

Следует отметить, что функционирование северного ответвления Великого шелкового пути в эпоху раннего железного века гипотетично, так как в письменных источниках нет на это прямых указаний. По авторитетному мнению известного специалиста по древней истории Средней Азии Б.Я. Ставиского, документальное подтверждение наличия степного торгового пути из Средней Азии через Поволжье и далее на запад и юго-запад относится к раннему средневековью¹⁸. Мнение о том, что этот путь начинает действовать в сарматское время еще до нашей эры, основано в первую очередь на археологических материалах.

Обоснование даты конец II–I в. до н.э. как времени начала поступления по северному пути шелковых тканей и бронзовых китайских зеркал на Нижнюю Волгу и в Северное Причерноморье принадлежит известному специалисту по этой теме Е.И. Лубо-Лесниченко. В определении указанной даты он исходил из датировок ханьских зеркал так, как они датируются в Китае¹⁹. В последующее время эта дата нашла отражение в работе ряда других авторов и недавно была активно поддержана Ю.А. Прокопенко²⁰.

Однако новые исследования, основанные на китайских источниках, показывают, что к этому времени еще не могли сложиться благоприятные условия для функционирования «северного пути», тем более связи Китая через Среднюю Азию с Восточной Европой. В 30–20-е годы II вв. до н.э. Китай только получает первые сведения о народах Средней Азии, которые были несколько позже обнародованы Сыма Цянем. В своей недавно вышедшей книге Л.А. Боровкова со ссылкой на китайские источники, в частности на сочинение Бань Гу, отмечает, что в середине I в. до н.э. ханьская администрация, назначив своих представителей в Западный край (речь идет о Восточном Туркестане), которые должны были обеспечивать там спокойствие, не взыскивала с него ни налогов, ни дани по причине большой его отдаленности, поскольку доставка оттуда товаров в Китай обошлась бы дороже их стоимости²¹. При такой ситуации полагать, что товары из Китая с конца II и в I в. до н.э. начинают поступать на Волгу и далее на запад, навряд ли возможно. Что касается Китая, то для него никакой экономической выгоды в установлении таких далеких связей явно не было. Да и посредническая торговля в этом направлении была осложнена в этот период времени многими факторами внешнеполитического характера. Как известно, II–I вв. до н.э. – это время жесткой конфронтации Китая и хунну, которая и ускорила открытие первым Западного края. Китай искал здесь союзников и нашел их в лице усуней. Союзником же хунну здесь оказался Кангюй (Канцзюй), располагавшийся к северо-западу от усуней, который последовательно выступал против ханьского Китая и усуней. Довольно частые военные стычки между этими двумя группировками постоянно дестабилизировали ситуацию особенно в пограничных районах между Кангюем и усунями вплоть до конца 30-х годов I в. до н.э., когда после поражения шаньюя Чжичжи Кангюй вынужден был установить дипломатические отношения с Китаем и Усунь²².

¹⁸ Ставиский Б.Я. Средняя Азия и античное Причерноморье. Проблема контактов, их периодизация и характер // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. I. Новочеркасск, 1992. С. 18.

¹⁹ Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. С. 370, 371; *он же*. Китай на Шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. М., 1994. С. 244.

²⁰ Прокопенко. Ук. соч. С. 67–83.

²¹ Боровкова Л.А. Царства «Западного края» во II–I веках до н.э. Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу». М., 2001. С. 238, 239.

²² Там же. С. 292–313.

Ситуация в Северном Причерноморье, где должен завершаться «северный путь», в это время тоже была неблагоприятной для установления стабильных торговых связей. Как уже отмечалось выше со ссылкой на Страбона, многочисленные и могущественные кочевники, «не вступающие в общение с другими народностями», преградили здесь доступ в глубинные степные районы. Торговый путь греков в то время, видимо, обрывался в дельте Дона в городе Танаисе. Страбон, характеризуя Танаис как «торговый центр азиатских и европейских кочевников», отмечал, что торговля здесь осуществлялась исключительно между боспорскими купцами и кочевниками, причем последние торговали теми товарами, «которые можно найти у кочевников». Никаких намеков на какой-то торговый путь от Танаиса через земли кочевников у Страбона нет. Сложившаяся обстановка в этом районе Причерноморья имеет хорошую хронологическую привязку. В той части XI книги «Географии» Страбона, где излагается вышеописанная ситуация, упоминается разрушение Танаиса царем понтийским и боспорским Полемоном I (XI. 2. 3), это событие произошло в самом конце I в. до н.э.

Не противоречит вышеизложенному и сообщение Страбона о торговле аорсов индийскими и вавилонскими товарами, которые они получали от армян и мидийцев (XI. 5. 8), поскольку речь идет о транскавказском пути. Где он завершался – неясно, но вполне очевидно, что этот путь не имел отношения к реконструируемому северному ответвлению Великого шелкового пути, шедшему через Среднюю Азию, Южное Приуралье, Волгу и Дон в Северное Причерноморье.

В период активного противостояния хунну и Китая изделия китайского производства вряд ли в массовом порядке проникали далее территории, занятой усунями. С конца II в. до н.э. начинается обмен посольствами между Китаем и усунями, Китай посылает целые караваны с подарками усуньскому предводителю. Бань Гу, например, свидетельствовал, что в 107 г. до н.э. к усуньскому куньмо была отправлена в жены китайская принцесса с несколькими сотнями евнухов и многими дарами. Став женой куньмо, она одаривала деньгами и шелковыми тканями знатных усуней. Император каждый год посылал ей послов с шатрами и богатыми шелками²³. Практика отправлять дипломатические миссии с богатыми дарами была широко распространена в ханьском Китае. Сыма Цянь отмечал, что ежегодно в Западный край отправлялось пять-десять таких миссий²⁴. Все это бесспорно привело к насыщению китайскими товарами территории, преимущественно занятой усунями. Возможно, в этот период налаживается и торговый обмен между Китаем и усунями, в котором последние были более всего заинтересованы. Однако наиболее существенным источником поступления китайских изделий к ним в этот период была не торговля, а дипломатические дары. Навряд ли Китай в то время был очень заинтересован в налаживании торговых контактов с этими районами. Торговля с кочевниками использовалась земледельческими цивилизациями как средство политического давления на них, что признается универсальной закономерностью для всех районов, где такое взаимодействие имело место²⁵. Хунну, например, силой заставляли Китай открывать для них приграничные торговые пункты²⁶.

В конце II – первой половине I в. до н.э. вещи китайского производства вряд ли распространились далее на запад и на север за пределы территории, которую контролировали усунь, поскольку Кангюй, располагавшийся к северо-западу от усуней, являясь союзником хунну, находился во враждебных отношениях как с усунями, так и с Китаем. В течение указанного времени Китай не осуществлял никаких связей с Кангюем²⁷.

В письменных и археологических источниках нет подтверждения того, что северное ответвление Великого шелкового пути стало функционировать с конца II и в I в. до н.э. Ранняя дата, предложенная Е.И. Лубо-Лесниченко, основана, как уже отме-

²³ Там же. С. 249.

²⁴ Цит. по Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. М., 1989.

²⁵ Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток, 1996. С. 46.

²⁶ Там же.

²⁷ Боровкова. Царства «Западного края»... С. 308.

чалось, на находках на Нижней Волге и Дону китайских бронзовых зеркал эпохи Ранней Хань, производство которых было налажено в Китае во второй половине II в. до н.э. и продолжалось в течение I в. до н.э. Е.И. Лубо-Лесниченко не считал нужным специально выяснить, в комплексах какого времени эти зеркала найдены в степях Восточной Европы, ведь одно дело Китай, а другое – Поволжье и Дон²⁸. А действительность такова, что пока неизвестно ни одного случая находок на сарматской территории китайских зеркал, как и шелковых тканей, убедительно датированных ранее I в. н.э. В настоящее время достаточно уверенно выделены памятники завершающего этапа раннесарматской культуры II–I вв. до н.э. от Южного Приуралья до Северного Причерноморья, в которых нет китайских зеркал²⁹.

А.В. Симоненко, специально рассматривавший вопрос о времени появления этих зеркал в Северном Причерноморье, пришел к выводу, что зеркала, изготавливавшиеся в Китае во II–I вв. до н.э., в погребениях сарматской аристократии встречаются лишь в конце I – первой половине II в. н.э., о чем свидетельствуют хорошо датированные комплексы, как, например, Чугоно-Крепенка и Третьяки. Значительные хронологические различия в 100–150 лет между изготовлением зеркал в Китае и их аналогами в Восточной Европе, по мнению А.В. Симоненко, вряд ли могут свидетельствовать о том, что они попали в степи к сарматам в результате торгового обмена³⁰.

Мнение о том, что китайское зеркало из кургана у хут. Виноградный Ростовской области датируется I в. до н.э. вряд ли следует считать убедительным, поскольку условия его находки не известны. Происходят ли вещи, поступившие в Ростовский краеведческий музей вместе с зеркалом, из одного погребения или из разных, остается неясным. Даже если считать эти вещи единым комплексом, то уверенно датировать его I в. до н.э. нельзя, поскольку китайское зеркало в данном случае не может браться в расчет при датировке сарматского памятника, а бронзовые кружки типа Идрия, к которому относится и кружка из кургана у хут. Виноградного, известны среди находок в Помпеях, что позволяет датировать их I в. н.э.³¹ Именно этой находке авторы публикации придавали решающее значение при определении более ранней даты изделий из рассматриваемого кургана³². Зеркало из кургана у хут. Виноградный находит аналогии в более поздних сарматских погребениях у с. Третьяки и у с. Старая Полтавка³³. Мнение А.В. Симоненко о времени появления китайских зеркал в сарматских погребальных комплексах, кроме названных им хорошо датированных комплексов, подтверждает и находка китайского зеркала в известном богатом сарматском погребении из кургана Кобяково 10 под Ростовом, датирующееся второй половиной I – началом II в. н.э.³⁴

Таким образом, бронзовые зеркала, изготовленные в Китае во II–I вв. до н.э. и находящиеся через достаточное большое промежуток времени на территории Восточной Европы, не могут служить доказательством их попадания сюда в результате исключительно торговых операций. Более убедительное объяснение данной ситуации, видимо, таково. Как уже отмечалось, основная часть китайских бронзовых зеркал в восточноевропейских степях происходит из богатых сарматских погребений второй половины I – первой половины II в. н.э., которые вписываются в контекст более об-

²⁸ Лубо-Лесниченко. Китай на Великом шелковом пути... С. 244.

²⁹ Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1. Самара, 2000. С. 137–146; Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.

³⁰ Симоненко А.В. Китайские и «бактрийские» зеркала у сарматов Северного Причерноморья // Музейні читання. Матеріали наукової конференції. Київ, 2000. С. 136–143.

³¹ Tassinari S. Il vasellame bronzeo di Pompei. Roma, 1993. P. 411.

³² Косяненко В.М., Максименко В.Е. Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный на Нижнем Дону // СА. 1989. № 1. С. 265.

³³ Скрипкин А.С. Великий шелковый путь в истории юга России // РИЖ. 1994. № 1. С. 7.

³⁴ Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. 1992. № 1. С. 159.

ширной группы памятников с явными центральноазиатскими чертами в материальной культуре³⁵. Этот круг памятников многие авторы обоснованно отождествляют с появлением с востока новой группировки кочевников, возглавляемой аланами, которые фиксируются письменными источниками³⁶ на Дону и в районе Меотиды со второй половины I в. н.э. В настоящее время преобладающей является центральноазиатская версия происхождения аланов и предполагается их связь с усуньско-юэчжэйскими и сако-массагетскими племенами³⁷. Видимо, пришельцы с востока вместе с другими вещами, находящими аналогии в среднеазиатских и южносибирских древностях, принесли с собой и китайские зеркала, которые у них уже достаточно долго были в обиходе.

Если же говорить о возможном установлении торговых связей, идущих из Средней Азии через Поволжье в Северное Причерноморье и на Кавказ, то они могли наладиться после появления алан в Восточной Европе, причем косвенные данные об этом мы можем найти только в письменных источниках. Осведомленность античной географии об отдаленных районах во многих случаях была связана с вхождением их в сферу экономических интересов различных центров цивилизованного мира. У нас есть возможность выявить характер осведомленности античных авторов о районах Северного Прикаспия в рассматриваемое время. Страбон, завершивший свой труд в первой четверти I в. н.э, знавший Дон и некоторые события, связанные с ним, не имел никакого представления о соседней более крупной реке Волге. В его время существовали еще старые представления о том, что Каспийское море является заливом Северного океана. Такие же знания об этом районе имелись и у эрудированного автора Плиния Старшего, жившего в I в. н.э. Все это свидетельствует о том, что в распоряжении этих весьма осведомленных ученых своего времени не было каких-либо оригинальных сведений о территории, по которой должен был проходить путь из Средней Азии в Северное Причерноморье. Их неосведомленность резко контрастирует с данными Клавдия Птолемея о Северном Прикаспии, который написал свое «Географическое руководство» примерно около середины II в. н.э. Птолемей не только знает Волгу, но и многие незначительные реки этого района, он точно называет самое короткое расстояние между Волгой и Доном, перечисляет многие народы, проживавшие там. Таким образом, ситуация с информированностью греко-римских авторов о Северном Прикаспии начинает коренным образом меняться со второй половины I в. – первой половины II в. н.э. Существует вполне приемлемое мнение о том, что информатором для Птолемея об этом районе являлся итинерарий, которым пользовались купцы³⁸.

Все эти факты выстраиваются в единую цепь событий. Экономические связи по степному коридору через Поволжье могли начаться при благоприятной политической обстановке, которая наступает только со второй половины I в. н.э., в связи с установлением господства аланов в восточном ареале северопонтийских степей. Есть основания полагать, что в политическом отношении аланы были связаны со среднеазиатским Кангюем и первоначально действовали в его интересах. Продвинувшись

³⁵ Там же. С. 160; *Беспалый Е.И.* Курганы сарматского времени у г. Азова // СА.1992. № 1. С. 175–190.

³⁶ *Raev B.A.* Roman Imports in Lower Don Basin. BAR International Series 278. Oxf., 1986. P. 58–63; *Яценко С.А.* Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // ПАВ. 1993. № 3. С. 60–69; *Скрипкин А.С.* О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // Историко-археологический альманах. Вып. 7. Армавир – Москва, 2001. С. 15–38; *он же.* К вопросу этнической истории сарматов первых веков нашей эры // ВДИ. 1996. № 1. С. 160–169.

³⁷ *Габуев Т.А.* Ранняя история алан. Владикавказ, 1999; *Гутнов Ф.Х.* Ранние аланы. Проблемы этнической истории. Владикавказ, 2001; *Цуцьев А.А.* Аланы Средней Азии (I–VI вв. н.э.): проблема этногенеза: Автореф. дис... канд. ист. наук. Владикавказ, 1999; *Лысенко Н.Н.* Асы-аланы в Центральной Азии (центральноазиатский аспект раннего этногенеза алан): Автореф. дис... канд. ист. наук. Владикавказ, 2001.

³⁸ *Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 200–203.

из Средней Азии в восточноевропейские степи, аланы сломали негативное отношение предыдущих местных групп кочевников к предоставлению своих территорий для торговых путей, о чем в свое время говорил Страбон.

Таким образом, мы не располагаем убедительными данными о начале торговли по северному ответвлению Великого шелкового пути на его участке между Средней Азией и Северным Причерноморьем с конца II в. до н.э., тем более, у нас нет основания считать, что это направление в I в. до н.э. имело более важное значение, нежели «южный путь»³⁹. Все это еще раз подтверждает необходимость всестороннего анализа археологического материала при его использовании в реконструировании торговых связей или транзитных путей, проходивших в прошлом по землям кочевников восточноевропейских степей.

CRITICAL NOTES ON THE SOURCES OF THE RESEARCH
WORKS DEVOTED TO THE RECONSTRUCTION OF TRADE
ROUTES IN THE SCYTHO-SARMATIAN PERIOD

A.S. Skripkin

The contributor insists on the necessity of a complex critical approach to the sources used for reconstruction trade relations in the Scytho-Sarmatian period. He lists several examples of how some poorly documented finds (e.g. coins from the low reaches of the Volga) were used to prove the existence of a trade route in this region in ancient times. He also puts under scrutiny objectivity of interpretations of some sources used to prove the start of the northern branch of the Silk Road. The opinion that this trade route began to function in the late 2nd c. BC is criticized as finding no proof in written or archaeological sources.

³⁹ Лубо-Лесниченко. Великий шелковый путь. С. 371; он же. Китай на Шелковом пути. С. 244.